

AK.
актепская книза

СЕРГЕЙ
ОБРАЗЦОВ

*МОЯ
профессия*

УДК 792.071.2:929(470)
ББК 85.85.334.3(2)6-8
023

Разработка серийного оформления и дизайн обложки
Владислава Воронина

Изображения предоставлены Музеем ГАЦТК им. С. В. Образцова

Фото на переплете Вадима Андреева

*Издательство благодарит Музей ГАЦТК им. С. В. Образцова
и Вадима Константиновича Шульца за неоценимую помощь
в подготовке этой книги*

Образцов С.

023 **Моя профессия / Сергей Образцов.** — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 672 с. + вкл. (40 с.). — (Персона. Актерская книга).

ISBN 978-5-389-25396-4

«Моя профессия» — книга необычная. Прежде всего потому, что написана она человеком, создавшим уникальный театр и придумавшим профессию, которой до него не существовало.

Этот театр в Москве на Садовой-Самотечной известен теперь во всем мире. А начиналось все с небольшой куклы Би-ба-бо, которую Сергеем Образцову в детстве подарила мама.

Пройти путь от маленькой куклы до огромного прославленного театра — согласитесь, не каждому под силу. Какими же качествами надо обладать, насколько надо быть одержимым своим делом, чтобы это осуществилось?

Читая «Мою профессию», вы будете слышать голос человека, который искренне любил свое дело и своего зрителя. А главное — хотел сделать мир лучше и добрее. «Процесс творчества, — писал он, — похож на известный эпизод русской сказки, в которой Иван-царевич добывает сундук, а из сундука зайца, а из зайца утку, а из утки яйцо, а из яйца иголку. Причем заяц пробует удрать, утка — улететь, яйцо — утонуть. Весь этот сложный процесс был бы бессмыслен и глуп, если бы все кончилось обыкновенной иголкой. Дело-то ведь не в иголке, а в том, что когда ее ломаешь, то умрет Кощей Бессмертный, будет спасена Василиса Прекрасная и победит добро».

Образцов адресует свою книгу не только коллегам — актерам и режиссерам, но и каждому из нас. И поверьте, она вдохновляет лучше, чем все мотивационные тексты вместе взятые.

УДК 792.071.2:929(470)
ББК 85.85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-389-25396-4

© Образцов С. В., наследники, 2025
© Шульд В. К., фото, 2025
© ГАЦТК им. С. В. Образцова
© Оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025
Издательство АЗБУКА®

СОДЕРЖАНИЕ

Кому и о чем написана эта книга 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Первые встречи с искусством 13

Глава вторая. Карандаши и кисти 21

Глава третья. По дороге на сцену 31

Глава четвертая. Накануне роли 46

Глава пятая. Роль 59

Глава шестая. Уроки «человеческого» театра 71

Глава седьмая. Контрапункт 107

Глава восьмая. Плагиат 124

Глава девятая. Домашняя самодеятельность 142

Глава десятая. «Позитивы» и «негативы» 170

Глава одиннадцатая. Пародия 190

Глава двенадцатая. Тема и форма 205

Глава тринадцатая. Встречи со зрителями 244

Глава четырнадцатая. Дневник памяти 261

Глава пятнадцатая. Перечитывая написанное 288

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Открытое письмо коллективу Государственного центрального театра кукол	299
Глава первая. Рождение театра	305
Глава вторая. Небольшая историческая справка	315
Глава третья. По дороге к премьере	344
Глава четвертая. Ошибки, ошибки и ошибки	363
Глава пятая. Что же это такое — кукла?	371
Глава шестая. За ошибки надо расплачиваться	390
Глава седьмая. Осторожно — дети!	400
Глава восьмая. Для Мариванны и Иваныванычга	413
Глава девятая. «В начале бе слово»	425
Глава десятая. Языком зрителя	439
Глава одиннадцатая. Место действия	453
Глава двенадцатая. Человек и кукла	486
Глава тринадцатая. Биомеханика куклы	520
Глава четырнадцатая. Партнеры	561
Глава пятнадцатая. Другие страницы дневника памяти	580
Глава шестнадцатая. Глава, к предыдущим как будто никакого отношения не имеющая	635
Глава семнадцатая. Кода тугги	660
Послесловие	670

КОМУ И О ЧЕМ НАПИСАНА ЭТА КНИГА

Я привык выходить на суд людей. Ведь почти полвека ставлю я спектакли в театре и больше чем полвека выступаю на концертах.

Не десятки, не сотни, а тысячи раз встречался я со зрителями и нашей страны и других стран, но все-таки, приезжая на концерт, я прежде всего заглядываю в щелку занавеса и стараюсь понять, кто мой сегодняшний судья.

Книга — не спектакль и не концерт, но с первого же дня ее появления на прилавке магазина я выйду на суд людей, с той только разницей, что не услышу мгновенной реакции на мое выступление, которую слышу в зрительном зале.

Шорох недовольства или аплодисменты, равнодушный кашель или веселый смех долетят до меня через много дней после выхода книги. Тогда я уже ничего не смогу исправить, и мне останется только сердиться на самого себя за то, что в одном месте книги я написал неубедительно, в другом — скучно, а в третьем — просто неверно.

Между мной и читателем висит занавес времени.

В этом занавесе трудно найти щелку. Еще труднее что-нибудь в нее разглядеть. Те самые слова, которые я сейчас пишу, сидя у себя дома в Москве на улице Немировича-

Данченко, вы читаете в разных городах и в разное время, на расстоянии многих километров, а может быть, и многих лет от меня и друг от друга.

И все-таки я обязан представить себе тех, кому я пишу, потому что книга — это не монолог, не разговор с самим собой. Это часть диалога. Это разговор с читателем. А разве можно разговаривать с кем-нибудь, если не видишь, не ощущаешь того, с кем ты говоришь?

С кем же я разговариваю сейчас? Кого я представляю себе держащим в руках мою книгу?

Моя основная профессия — театр кукол, но мне хочется, чтобы среди моих читателей были не только коллеги по этой профессии, но и актеры и режиссеры других видов театра, чтобы читателями оказались и работники кино, и драматурги, и художники, и все те, кто интересуется искусством, хотя бы искусство и не было их прямой профессией.

Куклы никогда не были для меня самоцелью.

Если на маленькие кукольные плечи нельзя положить ту же почетную ношу, ту же обязанность быть действительно нужными людям, какая лежит на плечах большого искусства, тогда я не хочу ни писать о куклах, ни заниматься этим искусством, потому что в таком случае оно превращается либо в детскую забаву, либо в эстетское оригинальничанье взрослых.

Профессия моя определилась не сразу. По образованию я художник, а до того, как стать руководителем театра кукол, я был в течение четырнадцати лет актером сперва музыкального, а потом драматического театра. Я буду говорить и об этом, потому что ощущаю искусство цельно, и сходство творческих процессов между отдельными видами искусства мне кажется не менее важным, чем их отличие. А именно о творческих процессах, о «кухне» искусства мне

МОЯ ПРОФЕССИЯ

и хочется рассказать в этой книге. О своем личном опыте и о неизбежных для всякого режиссера, актера или художника обобщениях этого опыта, которые постепенно становятся законами, непреложными, может быть, только для него самого.

Да и то непреложность этих законов ограничена временем, и многое из того, что раньше казалось ясным, начинает подвергаться сомнению и заменяться чем-то новым.

Книга моя распадается на две части.

Первая часть рассказывает о рождении моей профессии и моей личной концертной работе. В пятидесятом году эта часть была издана отдельной книгой. С тех пор прошло так много лет, что сейчас, когда я перечитал ее, мне что-то показалось неверным или устаревшим, а что-то захотелось добавить, но и композиция первой части и основные высказанные мною мысли остались, по существу, прежними.

Вторая часть посвящена моей режиссерской работе в Государственном центральном театре кукол и всей, как я уже сказал — почти полувековой, его жизни.

Я пишу и о моих ошибках и о том, чего я старался добиться, но меньше всего я хотел бы выглядеть поучающим, навязывающим свои взгляды. Меньше всего хотелось бы мне, чтобы эта книга выглядела учебником по теории творчества.

Если мне удалось написать о своей профессии, ничего не скрывая и ничего не выдумывая, я буду считать свою задачу выполненной, потому что только тогда мой личный опыт может оказаться кому-то нужным или хотя бы интересным.

Глава первая

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С ИСКУССТВОМ

Я вовсе не собираюсь писать мемуары и хочу говорить только о своей профессии, но я думаю, что не делаю никакой натяжки, считая, что кусочки этой профессии заложены и в ранних ощущениях моего детства. А раз так, то волею-неволей начинать приходится с воспоминаний.

Сказки и песни

Я родился в Москве в тысяча девятьсот первом году. Родители мои никакого отношения к искусству не имели. Моя мать была педагогом, преподавательницей русского языка. Отец — инженер-путеец. Оба всегда были заняты, всегда много работали. В их жизни искусство занимало ровно столько места, сколько оставалось от их профессиональной работы, которой каждый из них был увлечен. Это была обыкновенная трудовая семья, любимым писателем которой был Толстой, любимым композитором Чайковский, любимым певцом Шаляпин, любимым театром Художественный.

Но любовь эта была покойная и ровная. Роли, сыгранные Станиславским, Степаном Кузнецовым, Ермоловой

или Комиссаржевской, не служили предметом семейных споров и обсуждений. Литературные или театральные события не становились событиями семьи, и хотя среди знакомых были люди, принадлежавшие к искусству, среду, в которой я рос, никак нельзя было назвать артистической.

И тем не менее первые встречи с искусством произошли внутри семьи, что, как это ни странно, совсем не противоречит всему тому, о чем я только что рассказал.

Помню, как брат и я, оба совсем маленькие, сидели на коленях у отца и ехали куда-то на извозчике, трясясь по булыжной мостовой. На папиной тужурке блестели серебряные пуговицы с якорями и топориками, и папа рассказывал нам сказку про малюсеньких человечков, которые воевали этими топориками со злыми страшилищами.

Сказка была интересная и смешная. Папа ее сам выдумал, чтобы отвлечь нас от долгого и не очень удобного пути.

Конечно, он вовсе не считал, что создает произведение искусства, и не преследовал никаких «воспитательных» целей, а в то же время в нашей детской фантазии возникали образы, нас увлекал сюжет, нам было то страшно, то удивительно, то грустно, то смешно и радостно, одним словом, с нами происходило все, что происходит при восприятии искусства. Мы любили маленьких добрых человечков и очень не любили злых страшилищ. Значит, сказка нас воспитывала. Именно так воспитывала, как делает это хорошее произведение искусства.

У моего отца была замечательная память. Мне кажется, что он помнил все, что когда-нибудь читал, и поэтому кроме придуманных сказок он рассказывал нам и афанасьевские, и гриммовские, и андерсеновские. Рассказывал разные эпизоды из русской и всемирной истории — о Владимире Мономахе, об Александре Македонском, о падении Карфагена или Троянской войне. «Илиаду» и «Одиссею» в папином пересказе я узнал за много лет до того, как прочел Гомера.

И у моей матери и у моего отца был хороший музыкальный слух. Они передали его сыновьям, и очень часто по вечерам, при свете тогда еще керосиновой лампы, мы всей семьей пели разные песни. Знали их очень много. Пели негромко. Нам нравилось не наше исполнение, а сами песни. Их веселые или трогательные слова, их мотивы. Нравилось, как переплетаются, обгоняют друг друга дуэтные мелодии «Не искушай меня без нужды». Нравилось, как в старинном романсе «Ночи безумные» нижний голос идет по гамме вверх, а верхний, начинаясь октавой выше, движется к нему навстречу, как они соединяются и, побыв некоторое время вместе, возвращаются обратно. Мы не добавляли к нашим песням никакой особой выразительности, никогда не пели песен «с чувством», потому что не соединяли настроение песни с личными настроениями. Конечно, песня ощущалась грустной, если мы пели «Выхожу один я на дорогу», или веселой, если это была украинская песня «Йихав мужик до млына» со смешным припевом: «Фурдалы позафурды фурды вердалы при долы долынцы до млына», но грустное или веселое возникало внутри самой песни, ее мелодии, ее слов и ритма. В этом-то и было самое приятное.

И, вероятно, потому, что пели мы почти всегда только вчетвером, без всяких слушателей, пение это превращалось в настоящие встречи с искусством.

Птицы и рыбы

Пение хором не было каким-то специальным занятием или особой системой воспитания. Оно входило в нашу жизнь так же, как и всякое развлечение в свободные от учения часы.

Таких развлечений было много.

Почти все наше детство мы жили в Сокольниках, около самого парка. Это сейчас от центра до Сокольников семь минут езды на метро, а тогда Сокольники были далеко, и в будние дни в огромном парке было безлюдно и тихо. Мы знали его наизусть. Знали все аллеи, все тропинки, все пруды. Знали каждую сосну. И те, на которых гнезда коршунов, и ту, единственную, на которой висел огромный лист железа, занесенный на ее крепкий сук ураганом тысяча девятьсот четвертого года. От ветра ржавое железо покачивается и трещит, а мы глядим на него и стараемся представить себе, с крыши какого именно дома сорвало этот лист и как высоко он поднялся в небо.

Мы гонялись за белками, выслеживали маленьких серых поползней и, задрав голову, подолгу смотрели, как шелушит еловые шишки оранжевый клест. Посадив в западную снегарку, мы подманивали и ловили толстых красногрудых снегирей, а наша ручная синичка в ту же западную приводила веселых синиц.

Мы изъездили все Сокольники на велосипедах, избегали на лыжах, исходили пешком. Зимой на Сокольничьих прудах до темноты катались на коньках. Летом в этих же прудах ловили красных вертявых червячков — мотылей, чтобы кормить наших рыб. Рыбы жили в банках и аквариумах. Их было очень много. Пучеглазые телескопы, темно-красные макроподы, усатые «кошки». Керосиновыми лампами мы подогревали воду, особым пульверизатором накачивали воздух, отделяли самцов от самок, отсаживали мальков. По воскресеньям ходили на Трубную площадь, где продавались в то время и рыбы, и певчие птицы, и собаки, и кролики, и голуби.

Иногда мы приносили с Трубной в банке розово-белого аксолотля, похожего сразу и на ящерицу и на поросенка.

У него были мягкие красные, как коралловые ветки, жабры и такой флегматичный характер, что в одной позе он мог находиться целый час. Мы говорили, что он вычисляет «пи», бесконечную дробь, из которой нам полагалось знать только четыре цифры после запятой, а аксолотль, по-видимому, знал много больше.

Иногда в плетеном садке мы несли голубей: синекрылых «чистых», чернохвостых «монахов» или пестрых «чеграшей». Дома тщательно связывали им крылья, чтобы они не улетели дальше крыши сарая, пока не привыкнут к своей голубятне.

А когда привыкнут, их можно будет «взогнать» вместе с партией и смотреть, как они кружат высоко в небе и как «монах», дробно захлопав крыльями, сперва оседет на хвост, потом начнет кувыркаться через голову чуть ли не до самой земли, а потом опять догонит партию «чистых», которые не позволяют себе таких вольностей и четко ведут партию, круто делая кольца поворотов. Если «монах» кувыркался очень хорошо, делая «мертвые петли», мы называли его «Уточкин», по фамилии любимого летчика.

Любовь к природе вызывала во мне и увлечение определенной литературой. Конечно, я от доски до доски знал Брема, но Брем потянул за собой Киплинга, Жюль Верна, Сетон-Томпсона. И медведя Балу, и Рикки-Тикки-Тави, и волка Лобо, и Каштанку Чехова, и Муму Тургенева я любил так же, как любил своих живых зверей, а ястреба из рассказа «Арно», убившего героического и верного почтового голубя, ненавидел так же, как ненавидел живых ястребов, которые нагоняли высоко в небе наших голубей и хватали их своими цепкими лапами.

Я бы не стал в этой книге рассказывать о голубях, рыбах и синицах, если бы не считал встречи с ними чем-то, что

имеет непосредственное отношение к искусству вообще и к моей профессии в частности.

Дело не только в том, что любовь к природе и животным сохранила в моей подсознательной памяти образы и эмоции, которые потом переключались в спектакли или концертные выступления. Дело в большем. Наблюдения над природой и животными приучают к ассоциативному, образному мышлению, то есть к тому самому мышлению, без которого нельзя заниматься искусством, без которого оно не существует.

Наслаждение, получаемое от наблюдения над жизнью природы и поведением животных, очень похоже на наслаждение, которое человек получает от произведений искусства. Во всяком случае, оно подготавливает человека к возможности восприятия искусства. Ведь поступки и характеры животных всегда невольно сопоставляются с поступками и характером человека. Этому сопоставлению не перестаешь удивляться. Удивляешься тому, как заботливо самец макропод строит из пузырьков слюны гнездо для своего потомства; удивляешься, как ревнует голубь голубку, как хитра синица, как предана тебе собака и как доверчиво дает она перевязывать покусанную лапу. Вспомните, как важно ходит ворона, как похоже на человека умывается муха, с каким достоинством поворачивает свою голову верблюд, как внимательно рассматривает конфету обезьяна. В животных узнаешь отдельные черты человека, причем черты эти обособлены и как бы отобраны. Тот, кто умеет видеть человека в другом живом существе, легче сумеет потом увидеть его и в скульптуре, и в живописи, и в книге, потому что процесс восприятия похож. В обоих случаях это — «узнавание», то есть процесс ассоциативного мышления.

Самое важное

Но среди всех, даже самых страстных увлечений моего детства было только одно, которое я всегда считал своей будущей профессией.

Кто бы меня, маленького, ни спросил, кем я хочу быть, ответ был один и тот же: «Я пойду в художники». Начиная с четырехлетнего возраста, все детство и всю юность у меня не было ни месяца, ни дня, когда бы я думал иначе.

И шел я «в художники» не просто в мечтах, а конкретно и точно. Рисовал много и упорно — и цветными карандашами, и акварелью, и масляными красками. Лет с десяти начал систематически заниматься с преподавателем.

Так и в семье было установлено, что буду я художником. Но, вероятно, именно потому, что к искусству в моей семье относились без экзальтации, моя будущая профессия не ощущалась как профессия особенная, чем-либо отличающаяся от любой другой.

Какие же из «встреч с искусством» моего детства должен я считать самыми важными, больше всего повлиявшими на мою теперешнюю профессию?

Сказки и песни заставляли работать фантазию, и мир возникал в них увлекательно и образно.

Любовь к наблюдению над жизнью природы и животных приучала любить этот мир конкретно. Видеть образность в самом процессе жизни.

Живопись приучала радоваться тому, что образы окружающего мира можно закрепить на холсте или бумаге, «поймать» их, сделать «собственными».

Но самым важным были все-таки не «встречи с искусством», а то, что их всех объединяло. А объединяло их то отношение к явлениям искусства и жизни, которое суще-

ствовало у моих родителей. Вероятно, это можно назвать стилем их восприятия мира.

Мой отец — инженер, в дальнейшем — академик, создатель целой школы инженеров. Он умел смотреть далеко вперед и видеть жизнь страны в большой перспективе, но он никогда не говорил о науке «высоким стилем». Он любил литературу и искусство, с увлечением рассказывал о прочитанной книге, о спектакле или кинокартине, но никогда не переходил на пафос и не педалировал своих чувств. В его пересказе все выглядело одновременно и очень интересно и очень естественно. Буквально все, начиная от подъездных путей сортировочных станций и кончая самыми фантастическими сказками.

В наших разговорах об искусстве никогда не возникали такие слова, как «озарение», «высокое призвание», «служение».

До сих пор мне кажутся оскорбительными для художника благоговейно-пышные фразы, которыми принято окружать Сикстинскую мадонну Рафаэля или «загадочную» улыбку Джоконды Леонардо да Винчи.

Искусство в моем детстве ощущалось мною очень просто и ясно, как органическая часть человеческой жизни. Это ощущение и является для меня самым важным из того, что дала мне семья, в которой я вырос. Самым важным для моей профессии.

Глава вторая

КАРАНДАШИ И КИСТИ

Мечта моего детства почти сбылась. Окончив реальное училище, я поступил в Школу живописи, ваяния и зодчества, которая после революции была переименована в Высшие художественно-технические мастерские.

Учился я сперва на живописном факультете, в мастерской Архипова, а потом перешел на графический и занимался гравюрой под руководством Фаворского. Только поступление в театр помешало мне защитить дипломную работу и получить аттестат.

С тех пор прошло много лет. Я давно уже не считаю себя художником, но годы, которые ушли на живопись и графику, мне вовсе не кажутся потерянными.

Перед тем как писать эту главу, я вытащил из ящичков и шкафов пыльные альбомы, рулоны ватмана и свернутые холсты.

Вот они сейчас лежат передо мной: рисунки карандашом и углем, этюды акварелью и маслом, портреты, пейзажи и натюрморты. Затвердевшие трубки холстов было очень трудно раскручивать. Толстые слои краски растрескались. В трещины забились пылы. Пришлось вымыть водой и мылом.

Я рассортировал все работы по годам, начиная с восьмилетнего возраста. Получилось что-то похожее на домашнюю

выставку. Только выставка эта не развешана по стенам, а лежит на полу, на рояле, на диване и стульях. Каждый набросок и каждый этюд вызывает почти мускульные воспоминания. Оказывается, я помню, как долго не выходило соотношение желтого платка и розовой коленки натурщицы. Помню, как не хотела отделиться коричневая стена фона от таких же коричневых волос затылка, как не хватило зеленых красок для солнечных зайчиков на траве, как трудно было соединить горизонталь мелкой ряби на реке с вертикальными линиями отражений.

Помню упругость широкой кисти и ощущение радости от положенного на холст мазка. Не вообще мазка, а именно вот от этого, лежащего в ямочке между ключицами.

Помню рождение этого мазка на палитре: охра телесная, кобальт светлый, белила и чуть-чуть крапп лака фиолетового, похожего на прозрачное фруктовое желе.

Ожившие годы

Вместе с воспоминаниями о самом процессе работы по какому-то условному рефлексу возникли и пространство, и время, и люди, и даже запахи.

Вот на маленьком холсте неумело и жидко изображены лодка, песок, море и сосна. Сзади рукой моей матери написано: «1910».

Значит, мне было девять лет. Почти семь десятков лет отделяет меня от этого дня, а я хорошо помню, как дул ветер, пахло черникой и мелкий дождь прогнал меня с балкона белого домика, стоявшего на Рижском взморье.

А вот другая дата — 1914. На таком же маленьком холсте, но уже густыми красками, написана дорожка в лесу.

И этот день помню. Было очень жарко. Я сидел на вылезшем из земли толстом горбатом корне и писал сосновый лес Таган около имения князей Волконских под Москвой, там, где теперь Дом отдыха архитекторов. Этюдник все время сползал с колен. Медная баночка с льняным маслом опрокинулась в рыжую сухую хвою и облила муравья. Я его долго спасал, вытаскивая палочкой. Помню, как подошел монах из соседнего монастыря Екатерининской пустыни и целый час стоял в своей пыльной черной рясе и смотрел, как я рисую. Это было приятно, потому что картинка мне нравилась. Я считал, что она получилась ничуть не хуже, чем «Последний луч» в книжке о Левитане, которую мне незадолго до этого подарила мама.

Альбом 1916/1917 года. На первой странице первый набросок с обнаженной натуры. Хорошо помню, что было это в субботу. В студии Хотулева у Красных ворот, куда я поступил, будучи еще учеником реального училища, по субботам был час набросков. Приходила натурщица.

Я очень боялся этой первой субботы. Мне казалось, что этот день будет целым событием. Первый раз в жизни я близко увижу совсем голую женщину, то есть что-то очень тайное, неприличное и стыдное.

Натурщица вышла из-за ширмы, завернувшись в большой платок. Прошла босая по полу, вскочила на невысокий станок. Сбросила платок на табуретку.

И никакого события не произошло. В обнаженной женщине не оказалось ничего неприличного. Да это и понятно. Обнаженность может быть неприличной только в какой-то ситуации, а тут ситуация простая — надо учиться рисовать.

Рядом с альбомом набросков лежат содранные с подрамников огромные холсты. Это мои студенческие работы.

Большой портрет девушки в русском костюме. Охристое лицо, рука с голубыми отсветами, красная лента, коричне-

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ОБРАЗЦОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

моя профессия

Ответственный редактор *Ю. Раутборт*

Художественный редактор *В. Воронин*

Технический редактор *Л. Синицына*

Корректоры *О. Левина, П. Шевнина*

Компьютерная верстка *Е. Днепров*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.03.2025
Формат 60×88^{1/16}. Гарнитура «SwiftC». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,61 (вкл. вклейку). Тираж 4000 экз.
Т-АВК-34386-01-Р. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака Азбука
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, г. Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ —
Азбука тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
«Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

